

Глава 59

Слова брата Бао прозвучали, как раскат грома среди ясного неба.

Все застыли, не в силах прийти в себя. Кто-то растерянно пробормотал, обращаясь к жене старшего дяди:

— О каком управляющем Бае он говорит?

Рядом как раз стояла старуха Сунь со своей старшей дочерью Инцзы. Жена старшего дяди усмехнулась:

— Так это же о муже нашего Сяои! Ты что, не понял?

Понял-то он понял, но как будто и нет.

Кто-то, соображавший быстрее, уточнил:

— Муж Сяои теперь управляющий в городе?

— Ага! Несколько дней назад устроился, — подтвердила жена старшего дяди.

— ...И где же он работает?

Жена старшего дяди махнула рукой.

— Да где ещё! Зять моего третьего деверя грамотный, вот и взяли его управляющим в таверну «Фулай».

— Что?! — ахнули все в один голос.

Муж Цзян Сяои — управляющий в таверне «Фулай»?!

Боже мой!

Это... это...

Неудивительно, что все были в шоке.

Лю Хуцзы был всего лишь разносчиком, но им уже восхищались все окрестные деревни, называя его большим молодцом.

А Бай Цзыму теперь управляющий...

Это было нечто совершенно невероятное.

Кто-то повернулся к старухе Сунь:

— Это правда, сестра Сунь? Твой зять ведь работает в таверне «Фулай», ты должна знать.

Старуха Сунь фыркнула и с усмешкой ответила:

— Впервые слышу.

Она посмотрела на жену старшего дяди.

— Родственница, ты, часом, не привираешь? Если бы за знание пары иероглифов брали в управляющие, мой зять давно бы им стал. В таверну «Фулай» абы кого не берут, там даже на должность простого разносчика строгий отбор! Обычных людей они и на порог не пускают.

Смысл её слов был ясен: Лю Хуцзы — человек способный, раз уж смог устроиться в таверну «Фулай».

Жена старшего дяди, поняв намёк, рассмеялась:

— Твой зять не смог, не значит, что и Цзыму не сможет! Да и что я привираю, разве вы все только что не слышали своими ушами?

— К тому же, если не верите, завтра на рынок поедете, загляните в таверну «Фулай», вот и узнаете, правда это или нет, — закончила она и смерила взглядом старуху Сунь и Инцзы. Видя, как меняются их лица, она почувствовала огромное удовлетворение.

Наконец-то и она смогла похвастаться, выпустив пар.

С тех пор как Цзюаньцзы вышла замуж, старуха Сунь без умолку хвасталась ею по всей деревне. Зная, что та раньше пыталась сосватать Цзян Сяои за Лю Хуцзы, она при каждой встрече намеренно выставляла всё напоказ, подчёркивая, какая её Цзюаньцзы удачливая, не то что некоторые.

Бандиты из игорного дома пришли, сказали пару слов и ушли.

Семья Цянь вошла в дом. Старик Цянь тут же сказал:

— Это парень Бай нам помог!

Госпожа Цянь всё ещё была в замешательстве:

— Но... но ведь он сказал, что не хочет нам помогать.

— Если бы не хотел, разве тот человек так бы говорил? — Дядя Цянь от радости не мог сдержать слёз. — Всё, нам не нужно продавать землю. Жена старшего, иди, пойдя на задний двор, поймай курицу и отнеси Сяои. Мы должны его как следует отблагодарить.

— Хорошо!

Госпожа Цянь, вытерев слёзы, резко встала.

— Я пойду.

Вся семья Цянь — и старые, и малые — отправилась к дому Цзян, чтобы выразить свою благодарность.

Цзян Сяои, видя, что у Цяней всё обошлось, вздохнул с облегчением и подумал, какой же Бай Цзыму всё-таки молодец.

Действительно, дело решилось одним словом.

Те люди из игорного дома — все как на подбор здоровенные, широкоплечие, с первого взгляда видно, что с ними лучше не связываться. А они послушались его...

Муж, какой же ты молодец.

Сердце Цзян Сяои снова забило в волнении.

На следующий день, в базарный, староста повёз полную телегу народу. Он посмотрел на несколько одиноких корзин в центре, в которых и яиц-то было немного.

Поездка на воловьей упряжке туда и обратно стоила четыре вэня. Обычно, чтобы сэкономить, все ждали, пока накопится достаточно яиц, и только потом везли их в город на продажу. Но сегодня...

Староста, кажется, догадывался, в чём дело.

Иногда эти женщины и фуланы ради сплетен готовы были на всё, так что неудивительно, что они отправились в такую поездку.

Приехав в город, все продали яйца и тут же направились на Восточную улицу.

Таверна «Фулай» находилась именно там.

Подойдя, все вытянули шеи, заглядывая внутрь. Бай Цзыму, небрежно прислонившись к стойке, разговаривал с каким-то господином. Неизвестно, что он ему сказал, но тот расхохотался, хлопнул Бай Цзыму по плечу и поднялся на второй этаж.

Бай Цзыму поманил рукой человека, у которого на сгибе локтя висело полотенце.

Это был стандартный атрибут разносчика.

Все его узнали.

Разносчик подошёл к Бай Цзыму и, слегка поклонившись, принял очень почтительный вид.

Какие тут ещё могли быть сомнения?

Семья Цзян сказала правду, они никого не обманули.

Муж Цзян Сяои действительно был управляющим в таверне «Фулай».

Невероятно.

Просто невероятно!

Вчера Бай Цзыму после работы зашёл в кузницу и вернулся домой уже затемно, так что по дороге никого не встретил.

Сегодня же он почувствовал что-то неладное. Несколько знакомых тётушек и дядюшек, словно объевшись, кружили у входа в таверну, то и дело вытягивая шеи и заглядывая внутрь. Увидев его, они выглядели удивлёнными и даже ошарашенными. Особенно одна старуха, у которой лицо и вовсе побелело.

Увидев двоюродную бабушку, Бай Цзыму вышел к ней.

— Бабуля, вы что тут делаете? Поесть пришли?

— Н-нет, — бабушка была в шоке и смотрела на Бай Цзыму с большим почтением. — Парень Бай, ты здесь работаешь?

— Ага! А что? — спросил он.

— Ничего, работай хорошо! А бабуля пойдёт.

Бай Цзыму почесал затылок и кивнул.

Дело было подтверждено.

Как только эти люди вернулись, новость разнеслась по деревне со скоростью света. Не то что люди — даже свиньи на заднем дворе знали: тот гэ'эр, которого взяла в дом семья Цзян, работает управляющим в таверне «Фулай».

Какая же удача выпала Цзян Сяои!

Найти такого мужа!

Никто не мог усидеть дома, все сбежались на гумно.

Невероятно, но и завидно до жути.

— Ох, ну и дела! Муж Сяои такой молодец!

— Точно! Я когда услышала, что он нищий, думала, жизнь Цзян Сяои кончена. А он, оказывается, такой способный!

— Раньше я не понимала, но Бай Цзыму каждый день возвращается с мясом. Я всё думала, откуда у него деньги каждый день мясо покупать, а теперь всё ясно.

— Недавно я продавала яйца, и две женщины рядом со мной тоже покупали. Перебирая яйца, они шептались, мол, слышали, что управляющий в лавке румян получает четыре ляна в месяц! Таверна «Фулай» такая большая, значит, у мужа Цзян Сяои зарплата только больше.

У кого-то перехватило дыхание.

Четыре ляна в месяц... О таком они и мечтать не смели, а у него зарплата ещё больше...

Неудивительно, что Бай Цыму каждый день покупает мясо.

Но даже если есть мясо каждый день, в месяц уйдёт не больше ляна...

Семья Цзян, похоже, скоро поднимется.

— Я всегда знала, что Цзян Сяои удачливый. Явно не ошиблась.

— Ой, ну ты и хвастунья. Раньше ты разве не говорила, что он похож на сухую палку и никакой удачи ему не видать?

— Раньше я завидовала Цзюаньцзы и Инцзы из семьи Сунь, думала, вот уж кому повезло с замужеством. А теперь... кажется, и не так уж им повезло.

— Фу, что о ней говорить? — вставил какой-то фулан. — Как только Цзюаньцзы вышла замуж, она везде об этом трезвонила, будто боялась, что кто-то не узнает. Всё нахваливала, какой Лю Хуцзы хороший и способный, и что её Цзюаньцзы теперь будет жить в роскоши, а мой гэ'эр, мол, за бедняка вышел и, как и я, будет всю жизнь вкалывать. А её Цзюаньцзы, мол, ни с кем не сравнится. Что же она сегодня из дома не выходит?

— А как ей выйти? Раньше так хвасталась, будто Лю Хуцзы — самый способный во всех десяти деревнях. А теперь как ей на людях показаться? Раньше она смеялась над Сяои, говорила, мол, кто он такой, чтобы за Лю Хуцзы замуж выходить, что у него глаза на лбу. Мол, для такого, как Лю Хуцзы, только её Цзюаньцзы подходит. А теперь, когда он нашёл кого-то получше, ей, наверное, не по себе.

— Кто бы сомневался, ведь теперь разносчик подчиняется управляющему!

Старуха Сунь без конца унижала Цзян Сяои, до небес превознося способности Лю Хуцзы, и твердила, что Цзян Сяои не равня её Цзюаньцзы, мол, каждому горшку своя крышка.

Когда Цзян Сяои привёл домой Бай Цыму, она ещё и посмеивалась, говоря, что такому, как Цзян Сяои, только нищего и подавай.

В то время она немало потешалась над семьёй Цзян. А теперь её хваленый зять работает под началом того, кого она презирала. Разве ей не стыдно?

Даже не выходя из дома, она знала, как будут смеяться над ней в деревне.

Но не выходить было нельзя, овощи нужно было собирать, иначе вечером есть будет нечего.

Ещё не дойдя до гумна, она издалека услышала, как её поминают. Лицо старухи Сунь вспыхнуло, но повернуть назад сейчас было бы совсем уж трусливо, и она прокричала в ответ:

— И что с того? Ну и пусть этот Бай Цзыму способный, что он, больше чем управляющий? А Цю Цуйцуй замуж за учёного вышла! Говорят, он скоро экзамены на сюая сдавать будет. Цзян Сяои — несчастный, раньше моей Цзюаньцзы не ровня был, и теперь до Цю Цуйцуй ему далеко.

— А зачем ему с Цю Цуйцуй тягаться? Даже если он ей не ровня, главное, что он лучше твоей Цзюаньцзы!

— Сестра Сунь, впредь, если есть что сказать, лучше придержи язык. Вечно хвастаешься, а потом впросак попадаешь.

— Точно-точно.

Старуха Сунь побагровела от гнева.

Сейчас, помимо смущения и злости, она почувствовала укол сожаления.

Если бы она раньше так не говорила о Цзян Сяои, не сравнивала его постоянно с Цзюаньцзы, сейчас бы над ней так не смеялись.

Но с чего бы это?!

Её Инцзы ведь и правда лучше Цзян Сяои. Но та старуха из семьи Лю всё твердила, что она ни в чём не уступает Цзян Сяои, говорила, что Цзян Сяои трудолюбивый. Инцзы это не нравилось, и ей, конечно, тоже. Она считала, что старуха из семьи Лю совсем ослепла.

В последние дни, когда Цзян Сяои выходил из дома, все встречали его с улыбкой и приветствовали так радушно, что ему становилось не по себе.

Даже с отцом Цзяном было то же самое. Когда он работал, все встречали его с улыбкой, говорили, что теперь-то он заживёт...

Рубить дрова в горах — работа тяжёлая. Закончив с работой для семьи Ли, отец Цзян снова собрался в горы. Бай Цзыму не пустил его, боясь, что тот перетрудится и на старости лет будет болеть.

Он уже нарубил немного дров, но ещё не принёс их. Оставлять их было нельзя, раз уж нарубил. Несколько дней назад отец Цзян ходил, собрал их и хотел принести, но Цзян Сяои не позволил.

— Отец, я сам схожу.

— Там много, я пойду с тобой, хоть немного принесу, тебе меньше бегать.

Цзян Сяои недовольно посмотрел на него:

— Нога уже не болит?

Отец Цзян ответил:

— Ничего страшного.

Он несколько дней работал на семью Ли, видимо, таскал тяжёлое и потянул ногу. Последние несколько дней она болела.

— Ничего, пустяки.

Цзян Сяои, молча глядя на него, снова пошёл во двор точить нож.

Отец Цзян: «...»

Отец Цзян молча вернулся в дом.

Когда Цзян Сяои ушёл, во дворе стало тихо. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань последние два дня ходили с Бай Цзыму на работу.

Управляющий Чжао, видя, как быстро Бай Цзыму всё схватывает и как хорошо справляется с таверной в одиночку, уже через несколько дней передал ему все полномочия. А тут как раз пришло письмо из города, что у него родился внук, и управляющий Чжао уехал.

Бай Цзыму, почувствовав себя главным, на второй день после отъезда управляющего Чжао привёл с собой Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня.

Ведь он обещал им, а слово нужно держать.

Малыши были на седьмом небе от счастья. Они вели себя хорошо, приехав в таверну, послушно играли в комнате. Таверна «Фулай» в последние два года была не слишком прибыльной, и кроме обеденного времени, посетителей было немного.

Когда у Бай Цзыму было свободное время, он играл с ними или усаживал их за стойку и учил

грамоте.

Бухгалтер, старый господин Цзи, тоже был добродушным человеком. Видя, что двое малышей очень послушные, хоть и маленькие — один покрепче, другой худее и ниже, но на лицо близнецы, не отличишь, — он умилялся. К тому же, они постоянно улыбались и были очень вежливыми, так что старый господин Цзи любил с ними поиграть.

Сегодня Бай Цзыму был занят. Пришли два гостя — босс Ху из игорного дома и босс Лу из судоходной компании. Они уже были знакомы с Бай Цзыму, не раз вместе травили байки. Поднявшись на третий этаж и заказав еду, они позвали Бай Цзыму к себе.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, видя, что он занят, устроились за стойкой и усердно считали.

Старый господин Цзи погладил их по головам и ласково спросил:

— Кто из вас старший, а кто младший?

Цзян Сяоэр улыбнулся ему.

— Дедушка Цзи, я старший.

— О, — старый господин Цзи с притворным сомнением посмотрел на Цзян Сяосаня. — А кто же тогда младший?

Цзян Сяосань, услышав это, тут же поднял голову и посмотрел на него.

— Если второй брат — старший, то Сяосань, конечно, младший! Дедушка Цзи, почему ты задаёшь такие вопросы? Ты тоже глупый?

Он выглядел очень счастливым, его глаза сияли, словно он наконец нашёл родственную душу.

«...» — Старый господин Цзи ещё не успел ничего ответить, как с лестницы спустился Бай Цзыму. Цзян Сяосань бросился к нему и, как обезьянка, полез на руки.

— Гэфу, гэфу.

Бай Цзыму ущипнул его за попку.

— Что такое, чего такой весёлый?

— У Сяосаня появился друг!

— О, да? И кто же это? — Бай Цзыму оглядел таверну, но никаких других детей не увидел.

— Дедушка Цзи! — ответил Цзян Сяосань.

Бай Цзыму очень удивился и взглянул на старого господина Цзи, у которого было неопишное выражение лица.

— Вы что, можете вместе играть? — одному за шестьдесят, другому всего пять, разница в несколько поколений, и они могут вместе играть?

— Можем! — серьёзно ответил Цзян Сяосань. — Дедушка Цзи — старый глупый, а Сяосань — маленький глупый. Оба глупые, можем вместе играть.

Бай Цзыму:

— ...А почему дедушка Цзи глупый?

Цзян Сяосань пересказал их разговор. Бай Цзыму вздохнул с облегчением и, задумчиво протянув «о-о-о», сказал:

— Это, наверное, потому что дедушка Цзи постарел. Когда люди стареют, у них иногда голова плохо работает. Ты должен уважать старших и заботиться о дедушке, понял? И как должны вести себя друзья?

Цзян Сяосань поднял руку.

— Гэфу, Сяосань знает! Дети должны быть дружными, помогать друг другу и не обижать никого. Если обижать, то никто не будет любить. Гэфу, правильно?

— Правильно, — Бай Цзыму поцеловал его в лоб. — Наш Сяосань стал совсем взрослым.

Цзян Сяосань обнял его за шею и радостно засмеялся.

Он больше всего любил, когда гэфу его целовал.

Когда у Бай Цзыму было свободное время, он играл с ними, и они от него не отходили. Когда он был занят, они послушно учили иероглифы. Если же совсем уставали, то убегали в комнату играть.

Днём Бай Цзыму что-то им такое показал, что старый господин Цзи, проходя мимо, слышал, как двое малышей не переставая смеются в комнате. А через полчаса Цзян Сяосань, с растрёпанными волосами, выбежал из комнаты, вытирая слёзы.

Старый господин Цзи, видя, как у него текут сопли, не выдержал, вытер ему нос и спросил, что случилось. Неужели гэфу обидел?

Цзян Сяосань сам залез на стул, его маленькие ножки болтались в воздухе. Он шмыгнул носом и сказал:

— Угу, гэфу — большой хулиган, он обижает Сяосаня Додо.

Старый господин Цзи, услышав это, на мгновение замер.

Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань хоть и были в таверне всего два дня, но он видел, как сильно они любят Бай Цзыму. Иногда, когда Бай Цзыму поднимался на второй этаж обслуживать гостей, они то и дело поглядывали вверх и спрашивали, когда же гэфу спустится, мол, скучают по нему.

А сейчас он говорит, что Бай Цзыму — хулиган. Старый господин Цзи рассмеялся. Видя, как он надул губки от обиды, он не смог сдержать смеха.

— Что же твой гэфу сделал?

— Гэфу сказал, что там чудовище, — ответил Цзян Сяосань.

Они только что поиграли в комнате, и Бай Цзыму захотел спать, а двое малышей не хотели. Тогда Бай Цзыму начал их уговаривать, говоря, что на заднем дворе живёт чудовище.

У того чудовища огромный рот, острые клыки, длинный язык, растрёпанные волосы, а нос уже сгнил, и в нём ползают черви, вылезая из одной ноздри и залезая в другую. Это чудовище больше всего любит есть детские мозги, так что им нужно скорее спать, тогда оно не придёт.

Цзян Сяосань спать не хотел и тут же вскочил, крикнув:

— Гэфу, Сяосань не боится!

Бай Цзыму посмотрел на него.

— Не боишься? Такой смелый? — Не может быть!

Несколько дней назад по дороге домой он рассказал одну страшилку, и Цзян Сяосань по дороге обмочил штаны. Из-за этого Цзян Сяои его потом долго ругал.

Цзян Сяоэр уже спрятался под одеяло, а Цзян Сяосань бесстрашно заявил:

— Чудовище любит есть мозги, но тётушки говорят, что у Сяосаня нет мозгов. Что же оно будет есть, когда придёт? Поэтому Сяосань его не боится.

Бай Цзыму: «...»

Бай Цзыму потёр лицо и тут же изменил тактику, сказав, что здесь есть чудовище, которое больше всего любит есть сопливых детей.

Цзян Сяосань, услышав это, тут же нахмурился и недовольно сказал:

— Гэфу, ты что, правда думаешь, что у Сяосаня нет мозгов? Что за чудовище с таким странным вкусом? Ещё и сопли любит есть? Старший брат говорил, что сопли есть нельзя, от этого можно умереть. И чудовища тоже. Ты просто хочешь обмануть Сяосаня, но Сяосань не глупый.

Бай Цзыму: «...»

Цзян Сяосань погладил Бай Цзыму по лицу.

— Гэфу, и ты не бойся.

Бай Цзыму: «...»

Что это значит?

Что у него тоже нет мозгов?

Бай Цзыму отшлёпал его. Попка Цзян Сяосаня горела огнём. Сейчас он, шмыгая носом, жаловался:

— Дедушка, гэфу обижает Сяосаня, обижает, что у Сяосаня нет мозгов. Гэфу плохой.

Он говорил это с такой обидой, но старый господин Цзи не смог сдержать смеха.

Бай Цзыму, не обращая на него внимания, лёг спать рядом с Цзян Сяоэром. Вскоре Цзян Сяосань сам прибежал, залез на кровать и забрался в объятия Бай Цзыму.

Бай Цзыму укрыл его одеялом и снова погрузился в сон.

В три часа дня все трое проснулись.

Бай Цзыму дал им несколько указаний и пошёл заниматься делами.

Комната, где он обычно отдыхал, была не очень большой, и играть там в машинку было неудобно. Двое малышей снова пошли к Бай Цзыму и спросили, можно ли им поиграть в заднем переулке.

За таверной «Фулай» был узкий переулок, шириной чуть больше метра. Там были только задние дворы других домов, и обычно никто не ходил. Бай Цзыму попросил старушку Дин, которая мыла овощи, присмотреть за ними, и отпустил их.

Переулок был прямой и широкий. Цзян Сяоэр сел в машинку, а Цзян Сяосань управлял.

— Младший брат, слишком быстро, помедленнее! Ай-яй-яй, сейчас в стену врежешься, поворачивай налево, скорее, скорее!

Цзян Сяосань и так был не слишком сообразительным, а сейчас и вовсе растерялся.

— Второй брат, что ты говоришь? То медленнее, то быстрее, Сяосань не понимает.

Цзян Сяоэр решил, что младший брат слишком глуп, и закричал спереди:

— Медленнее! Сейчас в стену врежешься, поворачивай налево!

Цзян Сяосань, судорожно нажимая на кнопки пульта, спросил:

— Второй брат, а где лево?

— Гэфу тебя учил, а ты опять забыл?

— Не забыл! Сяосань и не помнил, — ответил Цзян Сяосань и вдруг услышал тихий смешок. Он обернулся, но, кроме большой бочки для помоев, ничего не увидел.

Он недоумённо почесал затылок, услышал, как его зовёт Цзян Сяоэр, и снова повернулся.

Машинка ехала не слишком быстро, но и не медленно. Обычно Цзян Сяосань сам сидел в ней, а управляли Юй-гэ'эр и другие. Видя, что Цзян Сяоэр вот-вот врежется в стену, он испугался и

зажмурился.

— Младший брат, младший брат, тормози! — завопил Цзян Сяоэр. В следующую секунду машинка вместе с ним врезалась в стену. Ботинок Цзян Сяоэра слетел и, пролетев шесть метров, шлёпнулся на землю.

— Ой-ой-ой!

Цзян Сяоэр, выставив попку кверху, упал так, что в глазах потемнело.

— Второй брат, ты в порядке?

Цзян Сяосань подбежал и помог Цзян Сяоэру подняться. Тот потряс головой и радостно засмеялся.

— Как здорово! Младший брат, давай ещё раз!

— Давай!

Они весело играли в переулке. Цзян Сяосань, прыгая и хлопая в ладоши, вдруг почувствовал, как с него сползают штаны.

В те времена резинок не было. Штаны и так были ему великоваты. Цзян Сяоэр зашил их, немного укоротив, но его мастерство было не на высоте. Сегодня Цзян Сяосань только надел их, как нитка снова порвалась. Теперь две его белые ягодицы сверкали на солнце.

— Ой, попка вылезла! Второй брат, что делать?

Снова послышался тихий, короткий, но ясный смешок.

На этот раз его услышал не только Цзян Сяосань, но и Цзян Сяоэр.

Цзян Сяосань снова обернулся. Опять никого.

Переулок был пуст.

Его попка тут же сжалась. Он быстро подтянул штаны и спрятался за Цзян Сяоэра.

— Второй брат...

Цзян Сяоэр тоже немного испугался, но гэфу говорил, что днём призраков нет, они выходят только ночью. Поэтому он набрался смелости и пошёл к бочке.

Смех доносился оттуда.

<http://bllate.org/book/13701/1594107>